

Введение в метафору

Концептуальная метафора: Лакофф и Джонсон, Фоконье и Тернер

Метафора, по определению Аристотеля в его «Поэтике», — это слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака.

Это определение стало основой лингвистического определения метафоры как *перемещения, вращения*, переноса имени одного предмета или явления на другой предмет или явление (или свойств одного класса предметов на другой) на основе сходства между ними.

Подход Аристотеля не критиковали вплоть до середины XX века. Метафору рассматривали в основном в литературоведческом контексте.

В XX веке, вместе с идеей о том, что слово и язык описания не просто отражают реальность, а находятся с ней

в двусторонней связи, возрос интерес к метафоре не только как лингвистическому, но и как философскому феномену. Американский лингвист Джордж Лакофф был не первым, кто предложил идею концептуальной метафоры, но именно он эту идею развил и популяризировал.

Он утверждал, что метафора — это органичный феномен языка, который действует на более глубоких уровнях, чем уровень словесных комбинаций, и проявляется во взаимодействии концептуальных структур, лежащих в основе слов.

Концептуальная метафора — механизм, устанавливающий связи между концептами, относящимися к разным сферам жизни. Иными словами, как говорил Лакофф, метафора — это *понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида*, причем такое понимание существует далеко не только внутри литературы, но и внутри повседневного языка, формируя понимание реальности в среде людей, которые на этом языке говорят.

В теории Лакоффа метафора устанавливает проекции между двумя структурами, например, так:

- путешествие — жизнь;
- начало пути — рождение;
- конец пути — смерть;
- перекресток — необходимость выбора;
- препятствие — проблемы, кризисы;
- попутчики — друзья и близкие.

Подобные универсальные метафоры можно обнаружить во всех языках. Другой пример: *верх* или *свет* типично является *благом*, *низ* или *мрак* — *злом*. Концептуальные проекции будут соответствующими.

Лакофф указывал, что метафора как когнитивный феномен определяет способ мышления в культуре, позволяет сделать предположение, какие понятия в данном языке или в настоящее время близки, а какие далеки друг от друга. Например, метафоры для такого процесса, как спор, ищутся в военной лексике: выиграть спор, меткий ответ, противник, разгорелась баталия и т. д. Но возможна культура, где к спорам относятся иначе, и там спор уподоблялся бы танцу или приготовлению пищи. Тогда и метафоры брались бы из этих сфер (*слаженный, ритмичный спор, партнер по спору, аромат спора, добавил перца*).

Особую роль Лакофф отдавал развернутым метафорам (метаметафорам), которые наделяют переносным значением все сообщение в целом. Например: учение — горная дорога, книга — посох, а учитель — проводник, позволяющий не сорваться в пропасть невежества и достичь сияющих вершин знания.

Метафора, таким образом, понимается не только лингвистически, вербально, но и как универсальное свойство мышления. Она может выражаться как угодно, в том числе в жестах и поведении.

Лакофф не находил принципиального различия между метафорами в обыденном и литературном языке. Суть

его открытия состояла в том, что метафоры помогают выстраивать эмпирические границы, благодаря которым мы начинаем понимать новые концепции.

Развивая идею метафоры как не только лингвистического, но и всеобщего языкового и смыслового феномена, Жиль Фоконье и Марк Тернер предложили другую интерпретацию — теорию блендов (смешений).

В теории блендов метафора уже не установление связей между двумя областями, а слияние нескольких ментальных пространств. Если излагать теорию, чуть упрощая, можно сказать так: соединяясь, ментальные пространства интегрируются в новое, смешанное ментальное пространство, и элементы метафоры входят в новое структурное соответствие. В результате мы оперируем не двумя, а тремя, четырьмя и более пространствами, которые впоследствии тоже можем проецировать друг на друга и смешивать. В этот процесс вовлечены наше личностное понимание и ассоциирование, то есть очень важен сам *обладатель*, *автор* метафоры, которая может быть как общепонятной, более-менее устоявшейся, так и сугубо индивидуальной. Запомним этот факт как очень важный для нас!

Фоконье и Тернер разбирают ряды устоявшихся метафор*.

* Fauconnier, Gilles, and Mark Turner. "Rethinking Metaphor." *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, Cambridge University Press, 2008, pp. 53–66. ResearchGate, https://www.researchgate.net/publication/228174347_Rethinking_Metaphor.

Например, в метафоре *смерть — беспощадный жнец* используется концепт сбора урожая. Жнец проецируется как *смерть с косой*, а жатва — как прекращение жизни. При этом целая метафора *смерть с косой* стала одушевленной, то есть привносится еще одна идея: ее беспощадность, злая воля к уничтожению. Это совершенно новое пространство, которое возникло не в результате механического слияния двух старых, а как некий творческий акт.

Этот хирург — мясник. Это метафорическое утверждение того, что мы имеем дело с некомпетентным врачом, который может зарезать пациента. Казалось бы, все как у Лакоффа: двойное соответствие. Но все же это не вполне так.

Лакофф сказал бы, что скотобойня проецируется на операционную, животное — на человека, а мясной нож — на скальпель. Но мы привносим нечто новое: понятие некомпетентности. Мясник может быть хорошим профессионалом, а хирург хоть и долго учился, но его профессионализм в нашей метафоре явно поставлен под сомнение. Более того, это и есть цель и суть метафоры: некомпетентный хирург подобен мяснику: он нечувствительно подменяет задачу, свойственную хирургу (вылечить пациента), задачей мясника — умертвить и разделать животное.

В новом пространстве средства и цели мясника смешиваются с пространством хирургии, и получается описание катастрофически грубой и опасной деятельности плохого врача.

Именно такое понимание метафоры как *творческого акта по установлению соответствий* предполагает

возможность свободного ассоциирования, достраивания несуществующих возможностей.

Например, в реальности мясники не разделявают пациентов, но мы можем себе это вообразить. Хирург пользуется скальпелем и специальными инструментами, но мы можем представить, как он орудует мясным ножом и заспиртовывает органы, вынимая их из тела.

Можно сказать, что каждый, кто пользуется даже устоявшейся метафорой, в каком-то смысле ее автор. Для использования метафоры, если она произносится не автоматически стереотипно, а осмысленно, каждому нужно творческое воображение. Так метафора становится открытой для дополнений и интерпретаций.

Именно такое понимание особенно интересно для разговора о метафорах в терапии и коучинге, где метафора становится пространством диалога.

Метафора в терапии и коучинге

Неудивительно, что разговорная терапия рано обратила внимание на метафоры — как лингвистические, так и концептуальные. Можно сказать, процесс практического использования метафоры для *лечения разговорами* шел параллельно развитию понимания метафоры как таковой.

Разные терапевтические системы разработали разные метафорические словари. Есть свой словарь у Фрейда.

Например, он использует сексуальную символику как инструмент для понимания сновидений, фантазий и ассоциаций. Юнг говорил об анимусе и аниме. Богат гастрономическими метафорами словарь гештальтистов. Многим знакомы такие понятия, как *поток* и *вброшенность*, принесенные экзистенциальными психологами. Все это разные способы описания человеческого опыта, и мы акцентируем внимание на разных его гранях.

Однако в пространстве какой бы традиции (или вне ее) мы ни находились, есть важнейшая особенность терапевтической метафоры: она *высоко индивидуальна*. Она возникает в диалоге с клиентом, и ее жизнь непосредственно привязана не к *человеческому опыту вообще*, а к опыту конкретного клиента и конкретного терапевта или коуча.

Представьте, что несколько людей говорят, метафорически описывая свои переживания: «Я не могу это переварить». Но каждый из них будет иметь в виду очень особые, свои, индивидуальные чувства и ощущения. В этом смысле терапевтическое понимание метафоры, конечно, гораздо ближе к Фоконье, чем к Лакоффу. В метафору вторгаются личные воспоминания, ассоциации, личный строй чувств — и знакомая картинка неожиданно чуть смещается, становясь неузнаваемой.

Если попросить говорящих подробнее рассказать о том, что они имеют в виду, один, скорее, опишет свои чувства так: «Эта ситуация камнем лежит во мне, я не могу ее переварить, она застыла там, и я все время чувствую внутри ее тяжесть». Другой скажет: «Я не могу переварить эту

ситуацию — это значит, что она несъедобная, я не могу вообще понять, разъяснить ее, как бы разобраться в ней».

Совсем иное понимание, правда? Метафора та же, да не та.

У каждого из нас своя модель мира, которая включает наши ощущения, чувства, концепции, языки выражения и много чего еще. Все эти модели работают по похожим, но неодинаковым сложным правилам. Восприятие двух людей может быть ближе друг к другу, чем восприятие человека и летучей мыши, но факт остается фактом: существуют и некоторые различия, причем не столько физиологические, сколько привнесенные нашим индивидуальным жизненным опытом.

Вот почему нам так трудно понять друг друга на уровне концепций. Договориться о терминах буквально невозможно: нет двух одинаковых депрессий, под одиночеством или восторгом каждый понимает настолько свое, что чем дольше люди пытаются разговаривать в общепринятых терминах, тем дальше они уходят от какой бы то ни было общей реальности. При этом они могут вовсе не замечать отдаления друг от друга: кажется, что если слова общие, то и значат они (как метафоры у Лакоффа) одно и то же. *Обобщенное слово-концепт служит своего рода псевдометафорой: как только она начинает жить своей жизнью в нашем разговоре, оттенки смыслов в разговоре неизбежно разбегаются в разные стороны.*

Метафорический язык в этом смысле дает некоторую надежду на восстановление понимания — именно потому,

что он не прикидывается общим. Вот почему при использовании явных метафор мы обязательно должны помнить: хотя метафоры (по Лакоффу) универсальны, они (по Фоконье) всегда продукт смешивания нескольких смысловых полей и сильно зависят от индивидуального восприятия.

Когда я или мой клиент используем метафоры, стоит помнить, что у нас нет единого ключа к соответствию метафоры какому-либо состоянию или ситуации. Наши метафорические пространства могут только смешиваться, а наши понимания — сближаться, но идентичными они не будут никогда. Чтобы наши ошибки во взаимопонимании и восприятии не были слишком серьезными, а разрыв не достиг полного непонимания, терапевтические метафоры должны обязательно и постоянно сверяться с актуальной реальностью — моей и клиента.

Конечно, модели мира могут быть похожими, если, например, мы с клиентом живем в одной социальной среде. Этим можно пользоваться, но доверять этому на сто процентов не следует.

Во-первых, не надо считать метафору явлением истины и полагаться на нее как на некую притчу, объясняющую смысл происходящего. Метафора может быть приближительной или вообще неверной и все же служить важным целям в сессии.

И, во-вторых, самое главное — это постоянная сверка наших *полей*, возвращение метафоры к реальности общения с клиентом, установление истинных координат того

места, где мы вместе с клиентом находимся (в концептуальном смысле).

Я настаиваю: *любая метафора должна быть с GPS*, то есть должна постоянно апдейтить координаты, иначе взаимодействие *заблудится* и вместо помощи получится нечто туманное и неточное, разочаровывающее или просто бесполезное.

GPS-метафора

Каждый метафорический элемент информации, который выдает клиент, терапевт понимает и интерпретирует относительно собственной модели мира.

Я. Вы не любите ни этой скуки, ни апатии.

Клиент (К). С одной стороны, не люблю, а с другой — люблю. Я как Маяковский: на всем, что сделано, ставлю nihil. С одной стороны, скучно, а с другой — я это делаю всегда.

Это как процесс совместного приготовления пищи: клиент добавляет свою интерпретацию в то, как он относится к своей *скуке* и *апатии*. (Ранее он также упоминал *пустоту* и *черную пелену*.)

Дальнейшая работа будет учитывать куда более завершенную и точную карту описания чувств клиента. Этот

поиск и учет могут вестись до самого конца сессии, и часто именно они помогают клиенту находить слова.

К. Я хожу по кругу, ищу ошибки.

Я. Вы занимаетесь самоедством...

К. Вот точно, самоедством.

Я. ...с которым связана пружина потери доверия к себе.

К. И к другим, соответственно. То ли здесь обманут, то ли там.

Это быстрое уточнение метафорического описания того, как клиентка переживает определенные ситуации в своей жизни. Самоедство, потеря доверия — это точнее, чем просто поиск ошибок.

Я. Что вы в этот момент чувствуете?

К. Я чувствую, что они вообще не участвуют в происходящем, что им наплевать.

Я. Другие дети в песочнице не хотят с вами играть? Уходи из нашей песочницы?

К. Ну... не совсем. Скорее, ты сделай все сам, а мы тут будем сидеть и смотреть, как ты облажаешься.

Быстрое уточнение дает нам возможность говорить о проблеме сразу несколькими способами и выбирать, какой больше нравится. Неважно, как это *на самом деле*, важно, что сейчас мы сверили наши поля и нашли более-менее общее.

Представьте, что я настаивал бы на своем и углубился в *детскую метафору*, которую клиент не вполне принимает. (Иногда так и следует сделать, но об этом — чуть позже.) Или, наоборот, я пошел бы вслед за клиенткой из предыдущего примера и продолжил говорить о хождении по кругу. Пусть мне кажется, что я описываю точнее, это не имеет значения, если не происходит постоянного апдейта узнавания, а значит, контакта в метафорическом поле.

Контакт в метафорическом поле, гибкость и множественность метафор, адаптивность имеют такое же значение, как их точность и глубина. В разные моменты контакта важными становятся разные характеристики метафор. Игнорирование моделей мира клиента приводит к непониманию и невозможности услышать друг друга.

Мы никогда не сможем полностью понять, что нам говорит другой. Так же другой не сможет полностью понять, что мы говорим ему. По счастью, это и не нужно! Выход к истине осуществляется не по прямой дороге, а окольными тропками неточностей, приблизительностей и допущений. Мы приближаемся к глубокой коммуникации, хотя каждый раз можем идти *немного не в ту сторону*, но все же *все более и более в ту*.

В этом суть метафорического апдейта, GPS-метафоры, о которой я говорю. Именно поэтому метафора обычно не ходит одна: следует несколько последовательных разведок-приближений, каждая из которых дает какие-то свои аспекты понимания ситуации.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

